

рыбака. А человек на берегу, наверное, успокоившись, исчез. Но осталась «картина души» – как момент истины, да нет – как сама истина о доброй сущности человека.

Воробьёва характеризуют не только внимание к состояниям и движениям души, природы, но и умение описать это чистым, прозрачным, короче говоря, прекрасным литературным языком, напоминающим нам о Бунине, которого Воробьёв боготворил.

Литовские леса и озёра, курские раздольные поля и холмы, речки, петляющие между ними, образуют фон, на котором развиваются события в его произведениях. В описаниях природы Воробьёв достигает высот литературного пейзажа. Что весна в Шелковке, что подмосковная зима – всё зримо, осязаемо, вплоть до жары или мороза, или студёной болотной жижи. Кто бы ещё написал такое: петух на крыше «Волги», и у него парок из клюва, когда он кричит свою петушиную песню?! Чаще всего он писал от первого лица, и пейзаж, представленный живым народным языком, создаёт особое настроение, передающееся читателю, как, например, описание весеннего литовского леса в рассказе «Дорога в отчий дом», являющем, кстати, образец сказового стиля. Так же выпуклы и зримы портреты персонажей. Воробьёв скуп на детали, но они всегда появляются точно в нужное время; стоит проследить, к примеру, как в «Сказании о моём ровеснике» меняется внешний вид и костюм Тишки Суровца – вслед за изменениями его социального и материального статуса. У Воробьёва, хотя он и ездил в Курск «за говорами», не прослеживается погоня за диалектизмами, присущая многим писателям. Они всегда уместны и за редким исключением встречаются только в речи персонажей. Произведения Воробьёва говорят о нём как о прекрасном стилисте и незаурядном мастере русского слова.

Село Нижний Реутец, в котором родился Константин Дмитриевич, имеет второе название – Шелковка. В старину, наверное, говорили «Нижний Реутец, Шелковка тож». Официально имя Шелковка давно не употребляется. Но в памяти коренных жителей оно живёт, сохранил его в своей памяти и писатель, покинувший родину ещё в юности. «Это село с таким песенным названием», – говорит он¹². Шелковкой называются у него сёла в «Сказании о моём ровеснике», рассказе «Гуси-лебеди». На деле же и Ракитное («Почём в Ракитном радости»), и Камышинка («Мой друг Момич») оказываются всё той же родной писателю Шелковкой, то есть Нижним Реутцем.

Вообще названиями населённых пунктов, речек нашей области (Медвенского района, в первую очередь) пестрят его рассказы и повести. Курский говор в его обоянской разновидности делает живой речь их персонажей, придавая ей необычайную живость и выразительность. Право же, не зря ездил писатель за говором в родные места. Но добыча его оказалась намного богаче. Курские сельские обычаи, обряды курского народного календаря, сельские праздники, вечерние посиделки и пение, описания быта и труда наших крестьян, их жилищ и подворий – всё это органично вплетается в художественную ткань повести или рассказа.

Но думается, что не только в памяти своей сохранил он картины

---

¹² [Из рассказа о Светлоголовом] // Почем в Ракитном радости. Любое издание